

Кретов А.А.
Воронеж, Россия

**ДИНАМИКА МАРКЕМ В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ
КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ПРОЦЕССОВ¹**

УДК 821.161.1.09:81'38
ББК Ш 100.3

Аннотация. Анализирует динамика маркем в текстах русских авторов 18-начала 20 вв. Устанавливается их связь с социокультурными процессами исследуемого периода.

Ключевые слова: русская литература, маркема, социодинамика, социокультурные процессы.

Сведения об авторе: Кретов Алексей Александрович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики.

Место работы: Воронежский государственный университет.

Контактная информация: 394000, г. Воронеж, пл. Ленина, д. 10, к. 13.
e-mail: tipl@rgph.vsu.ru.

Kretov A.A.
Voronezh, Russia

**DYNAMICS OF MARKEMES IN THE RUSSIAN
LITERATURE OF XVIII-BEGINNING OF XX
CENTURIES AS A REFLECTION OF THE SOCIAL
CULTURAL PROCESSES**

ГЧТИИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.04

Abstract. The paper deals with the dynamics of markemes, i.e. the most significant words, in the texts of Russian Literature of 18 – beginnig of the 20-th cc. The connection of dynamics of markemes with the social and cultural processes is investigated.

Key words: Russian Literature, markeme, social dynamics, social and cultural processes.

About the author: Kretov Alexey Alexandrovich, Doctor of Philology, Theoretical and Applied Linguistics Department, Professor and Chairman.

Place of employment: Voronezh State University.

Цель данного исследования – проследить связь между поведением словоформ в текстах русской литературы и социокультурными процессами, стоящими за этим поведением.

Объектом исследования являются тексты 112 русских авторов XVIII – начала XX веков (после имени автора следует номер хронологического периода): Богданович И.Ф., 1; Державин Г.Р., 1; Дмитриев И.И., 1; Кантемир А.Д., 1; Капнист В.В., 1; Карамзин Н.М., 1; Княжнин Я.Б., 1; Крылов И.А., 1; Ломоносов М.В., 1; Львов Н.А., 1; Майков В.И., 1; Муравьев М.Н., 1; Новиков Н.И., 1; Радищев А.Н., 1; Сумароков А.П., 1; Тредиаковский В.К., 1; Фонвизин Д.И., 1; Хемницер И.И., 1; Херасков М.М., 1; Баратынский Е.А., 2; Батюшков К.Н., 2; Бестужев-Марлинский А.А., 2; Веневитинов Д.В., 2; Вяземский П.А., 2; Гнедич Н.И., 2; Гоголь Н.В., 2; Грибоедов А.С., 2; Давыдов Д.В., 2; Дельвиг А.А., 2; Жуковский В.А., 2; Загоскин М.Н., 2; Кольцов А.В., 2; Кюхельбекер В.К., 2; Лермонтов М.В., 2; Нарезный В.Т., 2; Одоевский В.Ф., 2; Погорельский А., 2; Полевой Н.А., 2; Пушкин А.С., 2; Рылеев К.Ф., 2; Языков Н.М., 2; Аксаков К.С., 3; Аксаков С.Т., 3; Анненков П.А., 3; Белинский В.Г., 3; Герцен А.И., 3; Гончаров И.А., 3; Григорович Д.В., 3; Григорьев А.А., 3; Дружинин А.В., 3; Киреевский И.В., 3; Леон-

тьев К.Н., 3; Майков А.Н., 3; Некрасов Н.А., 3; Никитин И.С., 3; Островский А.Н., 3; Писемский А.Ф., 3; Плещеев А.Н., 3; Полонский Я.М., 3; Салтыков-Щедрин М.Е., 3; Толстой А.К., 3; Тургенев И.С., 3; Тютчев Ф.И., 3; Фет А.А., 3; Хомяков А.С., 3; Апухтин А.Н., 4; Гаршин В.М., 4; Добролюбов Н.А., 4; Достоевский М.М., 4; Достоевский Ф.М., 4; Короленко В.Г., 4; Лесков Н.С., 4; Мельников-Печерский П.И., 4; Михайловский Н.К., 4; Надсон С.Я., 4; Писарев Д.И., 4; Помяловский Н.Г., 4; Слепцов В.А., 4; Случевский К.К., 4; Соловьев Вс.С., 4; Соловьев Вл.С., 4; Страхов Н.Н., 4; Толстой Л.Н., 4; Успенский Г.И., 4; Успенский Н.В., 4; Фофанов К.М., 4; Чернышевский Н.Г., 4; Чехов А.П., 4; Эртель А.И., 4; Андреев Л.Н., 5; Анненский И.Ф., 5; Ахматова А.А., 5; Бальмонт К.Д., 5; Белый А., 5; Блок А.А., 5; Брюсов В.Я., 5; Бунин И.А., 5; Волошин М.А., 5; Горький М., 5; Гумилев Н.С., 5; Есенин С.А., 5; Иванов Вяч.И., 5; Кузмин М.А., 5; Мандельштам О.Э., 5; Маяковский В.В., 5; Мережковский Д.С., 5; Пастернак Б.Л., 5; Розанов В.В., 5; Сологуб Ф.К., 5; Ходасевич В.Ф., 5; Цветаева М.И., 5; Шмелев И.С., 5.

Выделение хронологических срезов и принцип отнесения авторов к ним были обоснованы ранее в работах А.А. Фаустова [Фаустов 1997, Фаустов 1998]: 1 – XVIII век, 2 – первая треть, 3 – вторая треть, 4 – третья треть XIX века, 5 – начало XX века.

Мы стремились к максимально полному охвату творчества указанных авторов, но наши возможности были ограничены количеством и качеством текстов, доступных в электронном виде.

Кроме того, были наложены некоторые ограничения на дискурсивный состав этих текстов: исследовались художественные и публицистические тексты и не учитывались эпистолярные,

¹ Данная статья выполнена в рамках проекта «Универсалии русской литературы (XVIII – начало XX вв.)» [грант Федерального агентства по образованию (Рособразования) 2.1.3 / 4705] и использует понятия *ИнТеМа* (индекса тематической маркированности словоформ) и *маркемы* – подробно описанные и исследованные в статьях [Кретов 2007; 2008; 2009а; 2009б; 2009в; 2009г; 2010а; 2010б; 2010в; Фаустов 2009а; Фаустов 2009б].

а также официально-деловые и научные тексты.

Общая длина текстов, привлечённых к исследованию, составляет более 43.134.000 словоформ. В среднем на каждого из 112 авторов приходится около четырёх томов – приблизительно объём «Войны и мира» Л.Н. Толстого.

Все тексты одного автора были собраны в единый файл. Каждый из файлов обрабатывался специальной программой «ТемАЛ» (тематического анализа лексики), вычисляющей ИнТеМ – индекс тематической маркированности словоформ – и ранжирующей их в порядке убывания значений индекса. (Идея – д.ф.н, проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики ВГУ А.А. Кретьева, руководство – к.т.н., доц. каф. программного обеспечения и администрирования информационных систем ВГУ И.Е. Ворониной, исполнение – студентки 4 курса ф-та прикладной математики и механики ВГУ Ирины Поповой.) Идея ИнТеМа состоит в том, что частота словоформ в тексте является равнодействующей двух закономерностей: языковой и авторской. Каждая словоформа в тексте имеет два веса: по длине и по частоте. Для того, чтобы получить авторскую составляющую, необходимо вычесть из частотного веса словоформы её вес по длине.

Результат, полученный с помощью программы «ТемАЛ», обрабатывался программой ADD-2, осуществляющей лемматизацию словоформ (автор – сотрудник отдела качества ВГУ Михаил Катов).

В результате использования указанных программ из текстов каждого из 112 авторов были извлечены 50 маркем, на последующем анализе которых (включая анализ величин ИнТеМа каждой из маркем) и строится наше исследование.

Гипотеза исследования такова. Каждый автор может быть охарактеризован самыми «важными» для его текстов словами-маркемами – 50 словоформами, имеющими максимальный индекс тематической маркированности (ИнТеМ) в его текстах и прошедшими через серию фильтров: 1) частеречный (только существительные); 2) грамматический (только словарные формы существительных); 3) грамматико-семантический (отсеиваются ономы и одушевленные существительные, кроме слова *человек*); 4) тематико-семантический (настраивается на конкретное произведение и конкретный жанр, к примеру: *явление* и *действие* в пьесах; воинская терминология у Д.В. Давыдова и Л.Н. Толстого; названия поэтических жанров; названия месяцев и дней недели; имена животных – героев рассказов и басен; артефактов, если последние не обрели символических значений; и т.д.); 5) стилистический (отсеиваются стилистически окрашенные слова – диминутивы и т.п.); 6) диалогический (исключаются обращения, звательные формы: *Боже, княже, старче, отче, мати; батюшка, матушка* и т.п.); 7) классификационный (отфильтровыва-

ются слова-классификаторы, фигурирующие в конструкциях «Сущ. И.п. + Сущ. Р.п.», не несущие собственной семантики, как, например, слово *множество* в конструкциях *множество плодов, множество врагов, множество красавиц, множество знамен* и т.д.).

Получив суммированием авторских списков маркем список из 50 маркем по каждому из 5 срезов, мы можем аналогично получить список 50 маркем для всех пяти срезов в целом. Таким образом, мы можем выделить «самые важные» слова для каждого из 5 периодов и для всего хронологического полигона нашего исследования в целом.

Предметом дальнейшего анализа будут маркемы русской литературы XVIII – начала XX вв., полученные в результате двукратной интеграции (авторов в срез и срезов в хронологический полигон), а также изменение параметров этих маркем на шкале времени.

При этом каждая из маркем будет характеризоваться двумя параметрами: суммарным ИнТеМом и количеством авторов, у которых отмечена данная маркема.

Третьим параметром, особенно интересным для исследования динамики, является временной: в каких срезах отмечена та или иная маркема. При этом важны две величины: количество срезов, в которых отмечена маркема и номера срезов, в которых она отмечена.

Количество срезов можно трактовать как величину стабильности маркемы: чем в большем числе срезов она представлена, тем выше её стабильность, и одновременно – как величину специфичности (своеобразия) маркемы: чем в меньшем числе срезов она представлена, тем выше её специфичность, тем ярче она характеризует своё время.

Кроме того, хронологическая распределённость маркемы может быть сплошной, например, 1-2-3 срезы или 3-4-5 срезы, а может быть разорванной, например, 2-3-5 или 2-4-5. Исходя из того, что «природа не делает скачков», а также из того, что из 62 маркем, встретившихся более 1 раза разорвано на шкале времени распределены только 12 и при этом лишь в одном случае разрыв составляет более одного среза, заподозрим в качестве причины хронологического разрыва случайный, т.е. гносеологический, а не онтологический фактор. Случаи разрыва в один интервал будем считать сомнительными и требующими перепроверки.

Итак, какие же маркемы демонстрируют максимальную стабильность на всём хронологическом полигоне исследования?

Это маркемы: *воображение*; 19.84; 52; *справедливость*; 19.60; 57; *удовольствие*; 19.34; 52; *спокойствие*; 17.92; 56; *состояние*; 12.52; 39 (первая цифра после маркемы – ИнТеМ, вторая – число авторов, в произведениях которых маркема отмечена).

Динамика маркемы *воображение* при этом имеет своим максимумом первую половину

XIX века – эпоху романтизма. Резкий всплеск её популярности сопровождается менее резким падением. См. Рис. 1. В начале XX века значение ИнТеМа опустилось даже ниже, чем это было в веке XVIII.

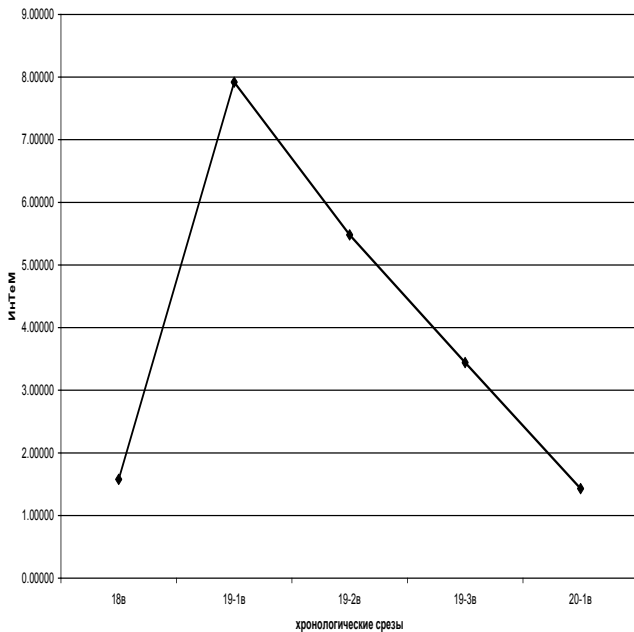

Рис. 1. Динамика ИнТеМа маркиемы *вдохновение*.

Динамика числа авторов по срезам подтверждает в целом закономерность с тем уточнением, что между третьим и четвертым срезами падение интереса к воображению было не столь резким, как от второго к третьему и от четвертого к пятому. А кроме того, число авторов, в текстах которых представлена маркама *вдохновение*, в XX веке осталось более высоким, чем в XVIII.

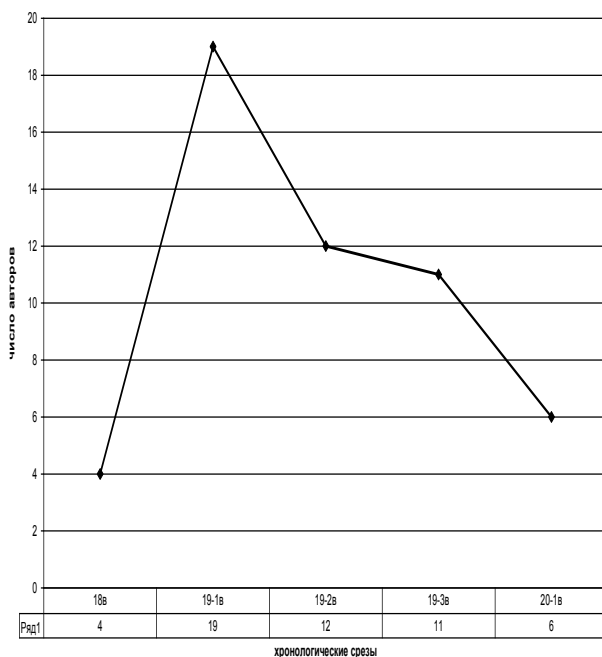

Рис. 2. Динамика числа авторов, употреблявших маркиему *вдохновение*.

Сходную динамику имеют маркиемы *справедливость*, *удовольствие* и *состояние* (см. Рис. 3).

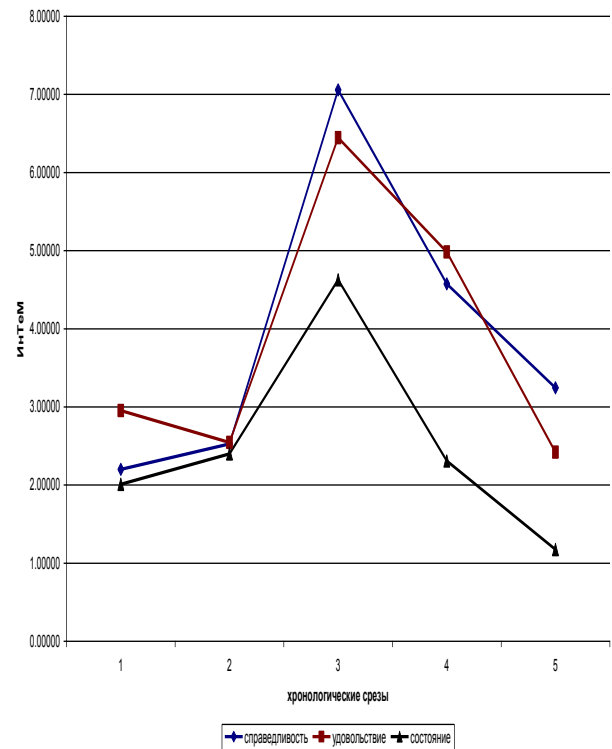

Рис. 3. Динамика ИнТеМа маркем *справедливость*, *удовольствие*, *состояние*.

Как видим на Рис. 3, пик популярности этих маркем приходится на революционную вторую треть XIX-ого века.

Динамика числа авторов, пользовавшихся этими маркемами, представлена на Рис. 4.

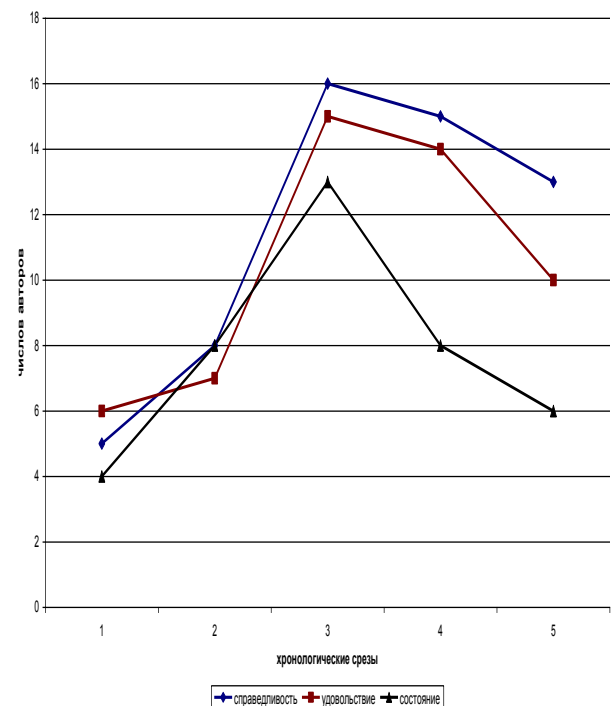

Рис. 4. Динамика маркем *справедливость*, *удовольствие*, *состояние* по числу авторов.

Рис. 4 показывает, что и у этих маркем снижение популярности по числу авторов было менее резким, чем по значению ИнТеМа.

Маркема *состояние* требует дополнительного изучения, ибо слово состояние многозначно и в разные эпохи на передний план могли выходить разные значения: «Социальное положение, звание», «Имущество, капитал, собственность» или «Положение, в котором кто/что-л. находится». Последнее значение столь абстрактно, что правомерность его отнесения к маркемам вызывает сомнения.

Последняя из наиболее стабильных маркем – *спокойствие*.

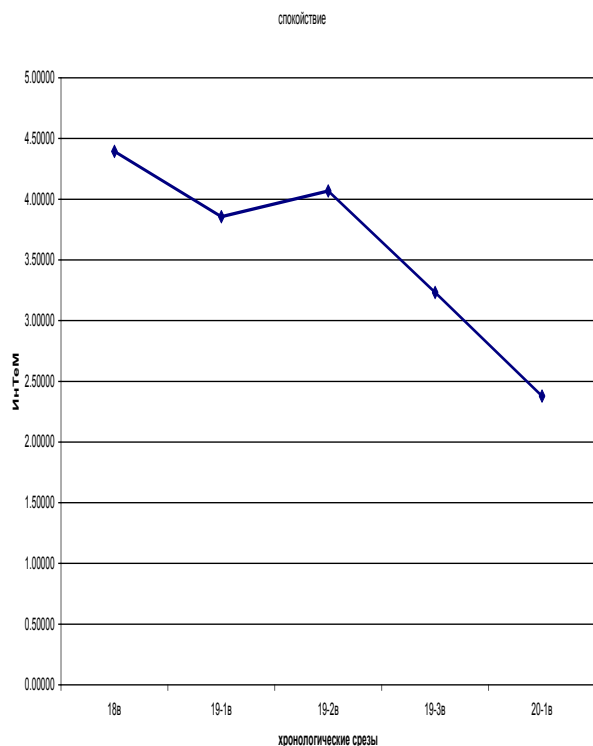

Рис. 5. Динамика ИнТеМа маркемы *спокойствие*.

С XVIII по вторую треть XIX века *спокойствие* составляло относительно устойчивую ценность, однако с последней трети XIX-ого века её ценили всё меньше и меньше. В итоге за период наблюдения маркема *спокойствие* имеет отрицательную динамику, приведшую к уменьшению её ИнТеМа почти вдвое.

Зато динамика по количеству авторов (Рис. 6) показывает высокую стабильность этой маркемы.

К указанным пяти маркемам примыкает также маркема *человек*, представленная в 4-ех срезах. Как это ни парадоксально, доминантная по суммарному значению ИнТеМа маркема *человек* в начале XX века пропадает. И это вряд ли случайность: с первого по 4-ый срез значение ИнТеМа этой маркемы уменьшилось вдвое. В этом свою роль сыграла маркема *человечество*, находящаяся с маркемой *человек* в отношениях дополнительного распределения (см. Рис. 7).

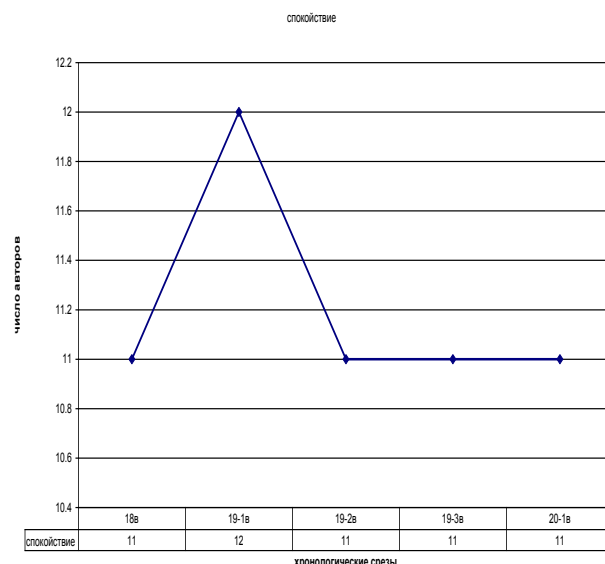

Рис. 6. Динамика маркемы *спокойствие* по числу авторов.

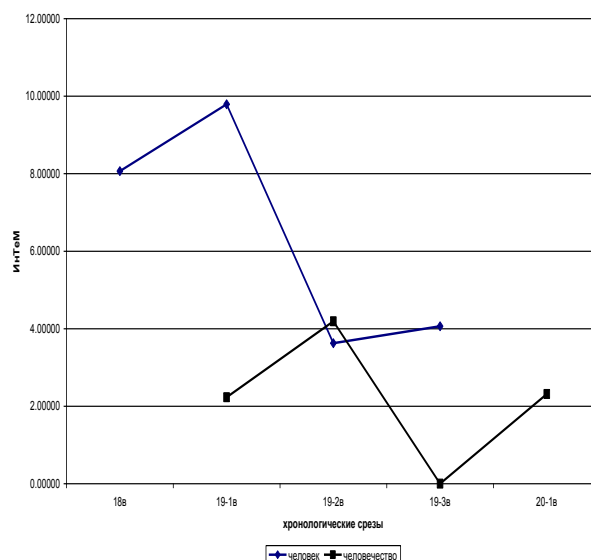

Рис. 7. Динамика ИнТеМа маркем *человек* и *человечество*.

Похоже, что в спокойные периоды развития общества (первая и последняя трети XIX-ого века) внимание литературы обращается к *человеку*. А в кризисные эпохи (вторая треть XIX-ого века, начало XX-ого века, внимание переносится с *человека* на *человечество*. Так, маркема *человечество* имеет свои максимумы в 3 и 5-ом срезах, а маркема *человек* – в 1-2 и 4-ом срезах. В начале XX-ого века русская литература *человека* фактически «теряет», замещая его *человечеством*.

Ещё одной маркемой, примыкающей к наиболее стабильной, является маркема *пространство*, по-видимому, случайно отсутствующая среди маркем 2-ого среза.

Её пики (по ИнТеМу) также тяготеют к кризисным эпохам (срезы 3 и 5). Причём максимум приходится не на 5-ый срез, как можно было бы ожидать, а на 3-ий (см. Рис. 8).

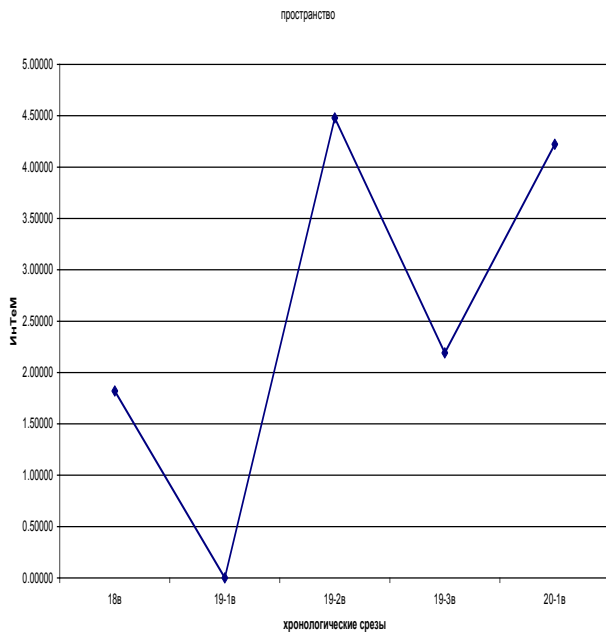

Рис. 8. Динамика ИнТеМа маркиемы *пространство*.

Следующая группа из шести маркем, представленных в 4-х срезах, дружно появляется в начале XIX века в эпоху романтизма: *впечатление*; 19.77; 56; *воспоминание*; 14.39; 46; *необходимость*; 12.38; 36; *внимание*; 12.17; 43; *доказательство*; 11.59; 35; *возможность*; 11.06; 40. На первый взгляд, они составляют две группы: первая, семантически созвучная романтизму: *впечатление*, *воспоминание*, *внимание*, а вторая – диссонирующая с ним, но предвещающая революционную эпоху 1860-ых годов: *необходимость*, *возможность*, *доказательство*.

Как позволяет понять Рис. 9, в действительности всё обстоит сложнее.

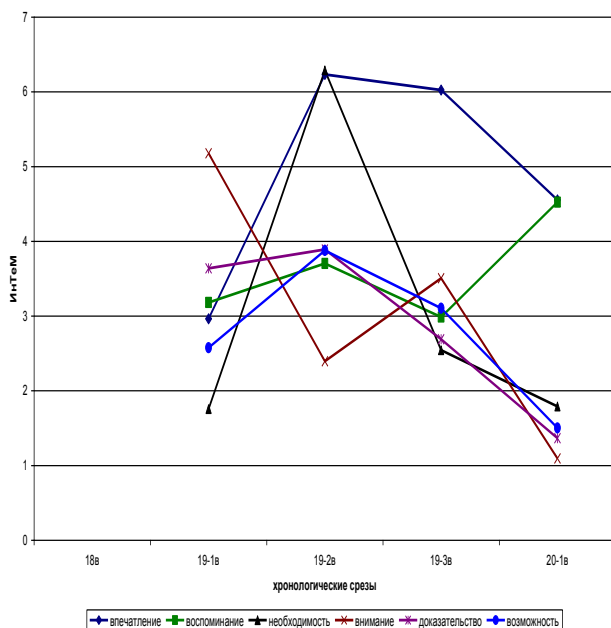

Рис. 9. Динамика ИнТеМа маркем *впечатление*; *воспоминание*; *необходимость*; *внимание*; *доказательство*; *возможность*.

Как видим, собственно «романтической» (имеющей максимум во втором срезе) является только маркема *внимание*. Никогда впоследствии её ИнТеМ не будет столь же высоким. Правда, она будет вторично востребована в конце XIX века – в эпоху импрессионизма.

Подготавливающими будущее и относящимися к эпохе революционных 1860-ых являются маркемы, имеющие свой максимум в третьем срезе: *необходимость*, *доказательство* и *возможность* и, как ни странно, *впечатление*. Самой специфичной из них для второй трети XIX-ого века является маркема *необходимость*, чей ИнТеМ резко возрастает и столь же резко падает в последующем срезе. К началу XX века интерес к *необходимости* продолжает убывать, хотя и не столь резко. Маркема *возможность* воспроизводит её судьбу в более смягчённой форме: не столь резкий взлёт и не столь стремительное падение. Маркема *доказательство* была востребована в первой-второй третях XIX века, а чем дальше, тем, видимо, реже возникала потребность утруждать себя доказательствами: в XX веке ИнТеМ этой маркиемы уменьшился почти в четыре раза.

О маркеме *впечатление* можно сказать, что хотя она появилась в первой трети XIX века, но её звёздный час был впереди: даже в 20-ом веке её ИнТеМ в полтора раза выше, чем в начале XIX века.

Интересно поведение маркиемы *воспоминание*. Она находилась в гармонии с началом XIX века, но динамика её заставляет предположить следующую закономерность: воспоминания активизируются в эпохи кризиса и бурных перемен. Так, отмена крепостного права вызвала к жизни идиллические воспоминания об эпохе крепостного права, но и это не идёт в сравнение с интенсивностью воспоминаний первой трети XX века о дореволюционной России, которую одни «унесли с собой», а другие «потеряли». И, соответственно, в относительно спокойные эпохи – 2-ую и 4-ую, воспоминания утрачивают свою актуальность. На Рис. 9 легко заметить, что *воспоминание* и *внимание* находятся в отношении дополнительного распределения. Они плохо совместимы: благополучие активизирует *внимание*, неблагополучие – *воспоминания*.

Перейдём к рассмотрению маркем, представленных в трёх срезах.

Как следует из Рис. 10, во второй трети XIX века русская литература потеряла *сердце* и *счастье*, в последней трети XIX века – *достоинство* и *благодарность*. И если *сердце* и *счастье* ещё вернулись слабым отголоском в последней трети XIX века, то *достоинство* и *благодарность* были утрачены безвозвратно. Все четыре маркемы, появившись в XVIII веке, были специфичны именно для первой трети XIX века – эпохи романтизма, золотого века русской поэзии.

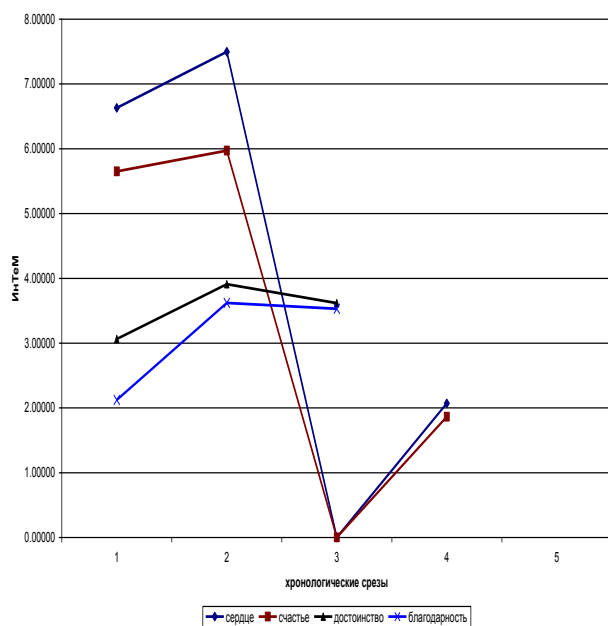

Рис. 10. Динамика ИнТеМа маркем *сердце*, *счастье*, *достоинство*, *благодарность*.

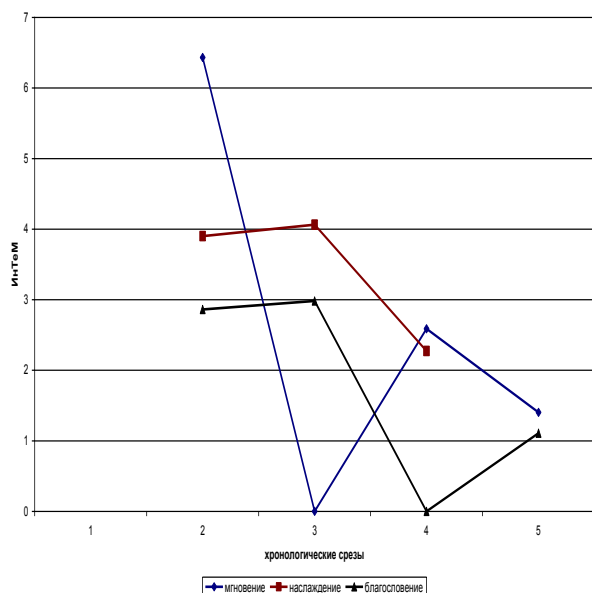

Рис. 11. Динамика ИнТеМа маркем *мгновение*, *наслаждение*, *благословение*.

Как видно из Рис. 11, маркама *мгновение* не только ярко отражает специфику романтизма, но и указывает на внутреннее родство этой эпохи с эпохой импрессионизма (отсутствие этой маркимы в третьем срезе, в принципе, закономерно, но, тем не менее нуждается в проверке), маркимы *благословение* и *наслаждение* почти в равной мере характеризуют вторую и третью трети XIX века. Однако «возвращение» маркимы *благословение* в последнем срезе косвенно указывает на типичность её для второй трети XIX века как для кризисного периода.

Маркемы *обстоятельство*, *действительность*, *существование*, *направление*, *деятельность*, *отсутствие* специфичны для третьего среза (второй трети XIX века): все они имеют максимальные значения ИнТеМа именно

в этом срезе. Однако, как показывает Рис. 12, их последующая судьба различна.

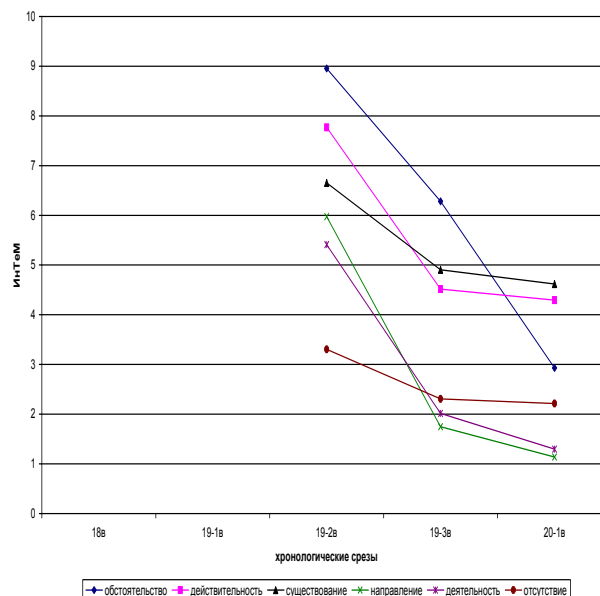

Рис. 12. Динамика ИнТеМа маркем *обстоятельство*, *действительность*, *существование*, *направление*, *деятельность*, *отсутствие*.

ИнТеМ маркимы *обстоятельство*, *направление*, *деятельность* постоянно убывает от среза к срезу, а вот у маркимы *действительность*, *существование*, *отсутствие* значение ИнТеМа после падения стабилизируется и в 4-5 срезах меняется незначительно. Если тенденция сохранится, то первые три маркимы будут утрачены, в последние три – удержаны в наборе маркимы русской литературы.

Сходную с последними тремя судьбу имеют маркимы *представление* и *противоположность* (см. Рис. 13).

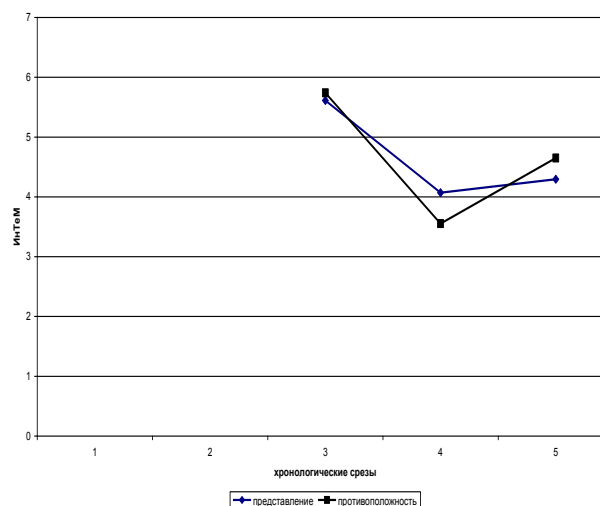

Рис. 13. Динамика ИнТеМа маркем *представление* и *противоположность*.

Принципиальное отличие двух последних состоит в том, что их ИнТеМ после падения в 4-ом срезе не убывает и не стабилизируется, а возрастает. Это обстоятельство позволяет в маркимах *представление* и *противоположность* видеть

маркемы кризисных эпох. По крайней мере, для маркемы *представление* такой вывод не выглядит тривиальным: чисто интуитивно её можно было бы отнести к маркемам эпохи импрессионизма (последней трети XIX века).

Динамика маркем позволяет предположить, что в кризисные эпохи люди не только вспоминают «утраченный рай», но и воображают себе «рай обрётённый», ожидающий их после чистилища.

Представленные в трёх срезах и вошедшие в русскую литературу маркемы *происхождение* и *образование* принадлежит разным эпохам и демонстрируют разные тенденции.

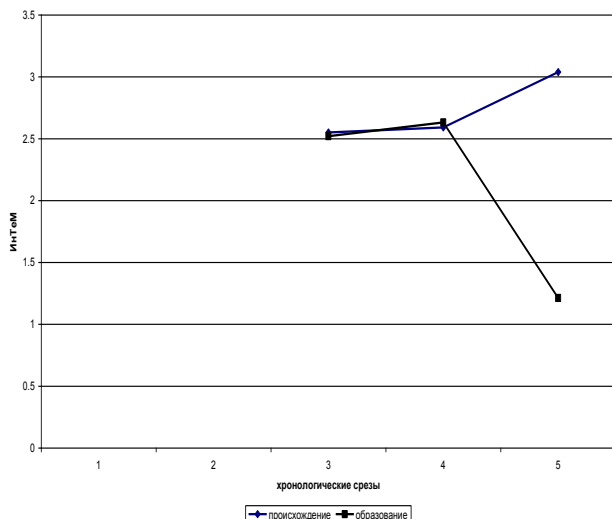

Рис. 14. Динамика ИнТеМа маркем *происхождение*, *образование*.

Как показывает Рис. 14, у ИнТеМа маркемы *происхождение* динамика положительная, и максимум приходится на последний срез. Таким образом, *происхождение*, появившись среди маркем русской литературы во второй трети XIX-ого века, сделало карьеру, оказавшись максимально востребованным в первой трети XIX-ого века. По-видимому, это обстоятельство вызвано последствиями социалистической революции, после которой *происхождение* на всю советскую эпоху превратилось в основание на деление людей на «своих» и «чужих» и стало одним из определяющих пунктов в анкете граждан РСФСР и СССР.

Что касается *образования*, то оно ещё в большей мере, чем во второй трети XIX-ого века, было значимо в конце XIX-ого века. В первой же трети XX века ИнТеМ маркемы *образование*, свидетельствующий о социальной значимости образования резко пошёл вниз: важнее *образования* стало *происхождение*.

Рассмотрим маркемы, представленные в двух срезах.

Маркемы *добродетель*, *искусство*, *блаженство*, *богатство*, *солнце*, *любовь* представлены 1-2 срезах и отражают специфику XVIII-ого века: динамика значений их ИнТеМа отрицательная (см. Рис. 15).

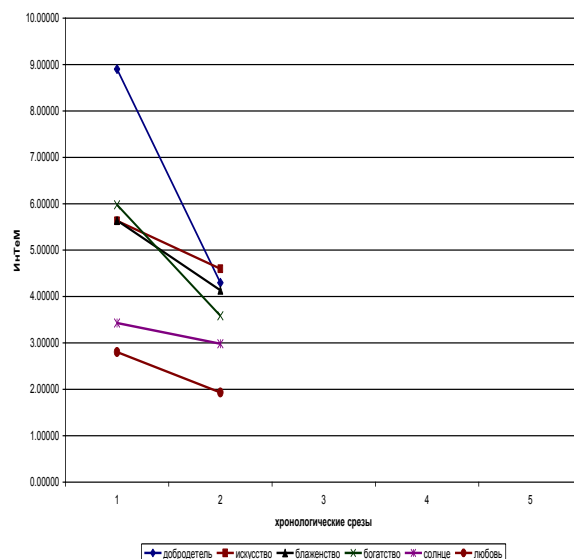

Рис. 15. Динамика ИнТеМа маркем *добродетель*, *искусство*, *блаженство*, *богатство*, *солнце*, *любовь*.

Как видим, резче всего падает ИнТеМ *добродетели*, чуть менее резко убывает ИнТеМ *богатства*, за ними следуют *блаженство*, *искусство* и *любовь*. Как ни странно, но и солнца в русской литературе становится меньше: ИнТеМ маркемы *солнце* также убывает, хотя и наименее резко.

Из маркем с положительной динамикой ИнТеМа в XVIII-ом веке появились маркемы *отечество*, *природа*, *радость*, *время*, *здоровье*, *сладость*. Это означает, что все эти маркемы специфичны не столько для XVIII-ого века, сколько для первой половины XIX-ого – «золотого века русской поэзии», эпохи романтизма. Маркема *отечество* практически в равной мере характеризует 1 и 2 срезы. Но если в 1-ом срезе она отражает специфику классицизма, то во втором срезе она является не только «эхом» классицизма, но и отражением всплеска патриотического самосознания, связанного с Отечественной войной 1812 года. Что касается маркемы *природа*, то она отражает ценности сентиментализма, унаследованные и преумноженные романтизмом. По аналогии с *изоглоссами* – линиями соединяющие пункты, в которых зафиксированы те же слова, *изобарами* – линиями, соединяющие пункты с одинаковым давлением, *изофенами* – линиями, соединяющими пункты с одинаковыми ценами, можно предложить термин *изомаркема* – маркемы, соединяющие разные хронологические срезы. *Отечество* и *природа* являются ярко выраженными *изомаркемами*. Это же можно сказать о маркемах *здоровье* и *сладость*. Следует уточнить, что вряд ли будет верным считать *изомаркемой* любую маркему, встретившуюся в двух данных срезах. Правильнее будет считать *изомаркемой* такую маркему, ИнТеМы которой в двух данных срезах различаются несущественно. За границу существенности можно принять треть или четверть значения ИнТеМа. При

этом маркема, значения которой различаются менее, чем на треть, но более чем на четверть будем считать *слабой* изомаркемой, а маркему, значения ИнТеМов которой в двух срезах различаются менее, чем на четверть, будем считать *сильной* изомаркемой. Это означает, что если частное от деления меньшего ИнТеМа на больший будет располагаться в интервале 0,66-0,75, то мы имеем дело со *слабой* изомаркемой, если же частное от деления меньшего ИнТеМа на больший превышает 0,75, мы имеем дело с *сильной* изомаркемой – и тем более сильной, чем ближе дробь к 1.

В таком случае *отечество* со значением 0.9934, *природа* со значением 0.9401 *здоровье* – 0.8442 и *сладость* – 0.8637 окажутся сильными изомаркемами, а *любовь* (1.93011: 2.80220 = 0.6899) – слабой изомаркемой для 1 и 2-ого хронологических срезов.

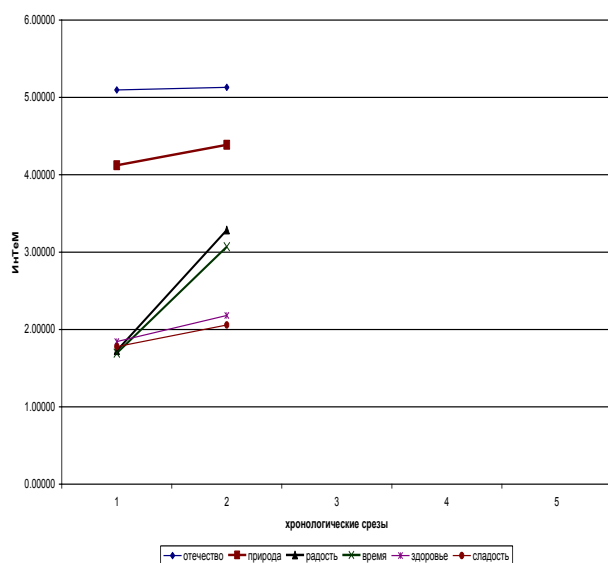

Рис. 16. Динамика ИнТеМа маркем *доброде- тель, искусство, блаженство, богатство, солнце, любовь*.

Резкое (почти в два раза) возрастание значений ИнТеМа у маркем *радость* и *время* свидетельствует об их специфичности для маркем *радость* и *время*.

Итак, мы можем сказать, какая из исследованных эпох была самой счастливой и радостной: это первая треть XIX-ого века, на которую приходится максимум значений ИнТеМа маркем *счастье* и *радость*.

Что касается исчезновения маркемы *время* во второй трети XIX-ого века, то этот вопрос следует изучить отдельно: не исключено, что при обработке материала последующих срезов оно было отфильтровано в силу его высокой абстрактности.

Подведём итог исследованию маркем, вошедших в русскую литературу в XVIII-ом веке. Следует сказать, что интервал 1-2 срезов весьма целостен: он противопоставлен остальным срезам, к которым маркемы 1-2 срезов не встречаются. После 2-ого среза русская литература навсегда (разумеется, в рамках иссле-

дуемого периода) утрачивает *доброде- тель*, 13.20, 28; *искусство*, 10.23, 27; *отечество*, 10.23, 24; *блаженство*, 9.77, 26; *богатство*, 9.56, 27; *природу*, 8.51, 26; *солнце*, 6.41, 22; *ра- дость*, 5.01, 17; *время*, 4.76, 20; *любовь*, 4.73, 18; *здоровье*, 4.02, 12 и *сладость*, 3.83, 13 как маркемы – смыслы, находящиеся в центре внимания литературы, а значит – и обществен- ного сознания.

Рассмотрим маркемы, представленные в двух срезах и вошедшие в русскую литературу в первой трети XIX-ого века. К ним относятся *просвещение, чувство, молчание, характер* и *вдохновение*.

Маркемы этой группы характеризуются мак- симальной разорванностью во времени: лишь одна из пяти имеет сплошное распределение, соединяя 2-ой и 3-ий срезы: это маркема *про- свещение*, имеющая отрицательную динамику ИнТеМа. Это, единственная уникальная силь- ная изомаркема (0.8025), соединяющая первую и вторую трети XIX-ого века.

Остальные маркемы в следующем срезе не представлены, но встречаются через срез (*чув- ство, молчание, характер*) или через два среза – *вдохновение*. При этом изомаркемой для 2-ого и 4-ого срезов является только *характер* (0.886). *Чувство* и *молчание* характеризуют поэтику романтизма, своеобразным эхом которого пред- ставляется импрессионизм конца XIX-ого века.

Что касается *вдохновения*, то оно, безус- ловно, специфично для первой трети XIX-ого века, а его на треть ослабленный ИнТеМ в на- чале XX-ого века является слабым эхом «золо- того века русской поэзии» в её «серебряном веке». Таким образом, 2-ой срез предстаёт как противопоставленный третьему и созвучный четвёртому. Созвучие второго среза с третьим или пятым – единично.

Следующую группу составляют маркемы, вошедшие в русскую литературу во второй трети XIX-ого века: *положение, нравственность, са- мостоятельность, предчувствие, присутст- вие, выражение, расположение*. Из них только две последние не выражают специфики 3-его среза: максимум ИнТеМа маркем *выражение, расположение* приходится на 4-ый срез. Между *положение, нравственность, выражение* и *рас- положение* являются сильными изомаркемами, соединяющими 3 и 4-ый периоды. Маркемы *предчувствие* и *присутствие* представлены в кризисных срезах: 3-ьем и 5-ом, но изомаркема- ми для этих срезов не являются: слишком вели- ки расхождения в значениях ИнТеМов.

Рассмотрев все 12 маркем с разорванной хронологической распределённостью, мы можем сделать некоторых обобщения. Во-первых, в случае разрыва, ИнТеМ маркемы в последую- щем срезе всегда меньше, чем в предыдущем. Из этого следует, что разрыв в хронологической распределённости указывает на отрицательную динамику ИнТеМа. Единственное исключение – маркема *человек*, по-видимому, случайно отсут-

ствующая во втором срезе. Во-вторых, в случае разорванной хронологической распределённости маркемы, расположенные по обеим сторонам разрыва, не являются изомаркемами. Единственное исключение – маркема *характер*, связывающая второй и четвёртый срезы.

Последняя группа маркем, представленных в двух срезах вошла в русскую литературу в последней трети XIX-ого века: *настроение, преступление, беспокойство, последовательность, противоречие, мирозерцание, ответственность*. При этом маркемы *настроение, преступление, беспокойство, последовательность, противоречие* имеют максимум ИнТеМа в 4-ом срезе и таким образом, специфичны, прежде всего, для него. Маркемы *мирозерцание, ответственность* имеют максимальные значения ИнТеМа в 5-ом срезе и, тем самым, специфичны для него. Следует сказать, что у 4-5-ого срезов больше общего, чем различного: их объединяет 5 сильных изомаркем: *преступление* – 0.945, *мирозерцание* – 0.936, *ответственность* – 0.879, *последовательность* – 0.787, *противоречие* – 0.704 и одна слабая изомаркема: *настроение* – 0.669. С этой точки зрения только маркема *беспокойство* является специфической для конца XIX-ого века. Зная, что за ней последовало, мы можем интерпретировать маркему *беспокойство* как показатель предкризисной эпохи. Интересно, что в кризисную эпоху, значение ИнТеМа этой маркемы упало почти вдвое: ср. 2,86 в 4-ом срезе и 1,35 – в 5-ом.

А теперь рассмотрим маркемы, встретившиеся лишь в одном из хронологических срезов, и в силу этого обладающие максимальной специфичностью.

Поскольку количество маркем в каждом из срезов равно 50, то количество уникальных маркем можно в первом приближении считать мерой специфичности, своеобразия среза. Расположим наши срезы в порядке убывания числа уникальных маркем и предварительно оценим уникальность исследуемых срезов (см. Рис. 17).

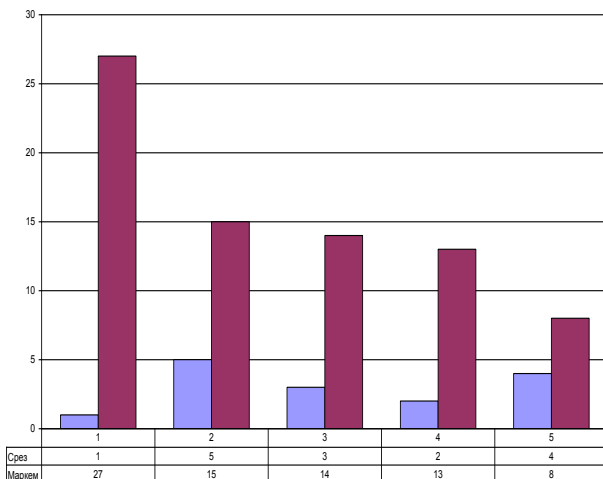

Рис. 17. Распределение хронологических срезов по количеству уникальных маркем.

Как видим, наиболее уникальным их срезов является первый – XVIII-ый век. Наименьшим своеобразием характеризуется 4-ый срез (последняя треть XIX-ого века), имеющий много общего как с предшествующим – 3-им, так и с последующим – 5-ым. После первого среза наибольшим своеобразием отличаются кризисные срезы: 5-ый (революция снизу) и 3-ий (революция сверху). Близок к ним и 2-ой срез с его эпохой Отечественной войны 1812-ого года и декабристским восстанием. А главное – с переходом от классицизма к романтизму.

По сумме ИнТеМа всех маркем среза картина несколько иная (см. Рис. 18).

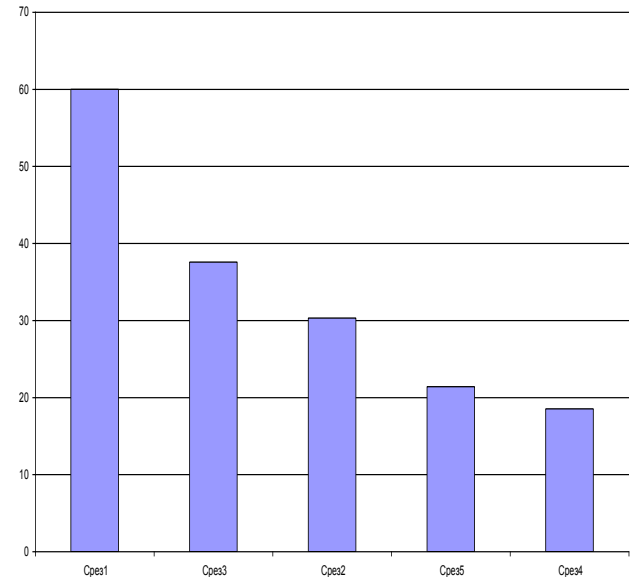

Рис. 18. Распределение срезов по суммарному значению ИнТеМа уникальных маркем.

Сравнение Рис. 16 и 17 показывает, что самый своеобразный и самый обычный срезы остались прежними. На второе место по своеобразию вышел третий срез, на третье – второй, а пятый с небольшим отрывом от четвёртого занял предпоследнее место. Учитывая минимальный разрыв в значениях 2, 3, 5 срезов на Рис. 16, перераспределение их мест на Рис. 17 не должно особенно удивлять.

Обобщая данные, можно сказать, что противопоставленность 18-ого века 19-ому выражена очень ярко. Значения 4-ого среза почти в 3 раза меньше значений 1-ого. Внутри 19-ого века своеобразие 3 среза по сравнению с 4-ым составляет 2 раза. В то же время противопоставленность 20-ого века 19-ому в первой трети XX-ого века ещё не сформировалась: своеобразие 5 среза больше своеобразия 4-ого, но меньше своеобразия 2 и 3-его срезов.

А теперь посмотрим, какие же маркемы составляют уникальную специфику каждого из срезов.

Для XVIII-ого века уникальные маркемы (в порядке убывания значений ИнТеМа) таковы: *должность*, 3.48, 9; *надежда*, 3.26, 11; *смертный*, 2.88, 8; *красота*, 2.71, 9; *воздух*, 2.67, 9;

премудрость, 2.62, 6; *престол*, 2.54, 7; *источник*, 2.47, 7; *несчастье*, 2.42, 7; *невинность*, 2.41, 6; *приятность*, 2.39, 7; *праздник*, 2.33, 7; *причина*, 2.17, 6; *чувствительность*, 2.16, 5; *смерть*, 2.16, 8; *храбрость*, 2.11, 6; *страсть*, 2.06, 7; *невежество*, 1.98, 5; *торжество*, 1.86, 6; *предмет*, 1.80, 6; *отчаянье*, 1.76, 4; *благополучие*, 1.72, 4; *дружество*, 1.66, 5; *склонность*, 1.62, 4; *сокровище*, 1.59, 5; *гордость*, 1.57, 5; *преимущество*, 1.56, 4.

Для первой половины XIX-ого века уникальны маркемы: *любопытство*, 4.13, 10; *провидение*, 3.65, 10; *страдание*, 2.42, 6; *движение*, 2.25, 7; *веселье*, 2.18, 7; *обязанность*, 2.16, 7; *задумчивость*, 2.16, 7; *самолюбие*, 2.13, 6; *бессмертие*, 1.92, 5; *прелесть*, 1.90, 7; *история*, 1.86, 6; *свобода*, 1.82, 5; *отчаяние*, 1.74, 5.

Специфику второй половины XIX-ого века отражают маркемы: *односторонность*, 3.38, 5; *образованность*, 3.08, 5; *осуществление*, 2.98, 4; *характеристика*, 2.92, 4; *привязанность*, 2.74, 5; *предположение*, 2.74, 7; *исключительность*, 2.58, 3; *национальность*, 2.56, 3; *предложение*, 2.56, 7; *отвлеченность*, 2.52, 3; *воспитание*, 2.51, 7; *определение*, 2.41, 3; *противодействие*, 2.36, 4; *несостоятельность*, 2.22, 3.

О своеобразии последней трети XIX-ого века говорят маркемы: *удовлетворение*, 2.92, 8; *благополучие*, 2.90, 7; *неудовольствие*, 2.51, 8; *негодование*, 2.27, 8; *недоразумение*, 2.10, 8; *вознаграждение*, 2.01, 6; *распространение*, 1.98, 5; *несправедливость*, 1.84, 5.

Уникальными для первой трети XX-ого века являются маркемы: *интеллигенция*, 3.15, 11; *мировоззрение*, 1.89, 7; *освобождение*, 1.63, 7; *бесконечность*, 1.44, 7; *стремление*, 1.39, 7; *возвращение*, 1.34, 6; *соединение*, 1.27, 6; *индивидуальность*, 1.24, 4; *электричество*, 1.22, 5; *одиночество*, 1.19, 6; *разочарование*, 1.18, 5; *индивидуализм*, 1.14, 4; *прикосновение*, 1.13, 5; *несоответствие*, 1.11, 4; *революция*, 1.09, 6.

Думается концентрирование в этом срезе маркем *соединение* (что предполагает разъединённость), *индивидуальность*, *одиночество*, *индивидуализм*, *разочарование* (как отчуждение от очаровывавшего прежде), *несоответствие*, *стремление к освобождению* даёт ответ на вопрос, почему оказалось возможным крушение государства, находившегося на подъеме, но не сумевшего обеспечить единства своих граждан, что в конечном итоге и привело к *революции* и Гражданской войне.

ЛИТЕРАТУРА

Кретов А.А. Метод формального выделения тематически нейтральной лексики (на примере старославянских текстов) // Вестник ВГУ. Серия Системный анализ и информационные технологии. 2007. № 1. С.81-90.

Кретов А.А. Опыт выявления архетипов поэзии А.В. Кольцова // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Випуск 16 [Укл.: Анатолій Загнітко (наук. ред.) та ін.] – Донецьк: ДонНУ. 2008. С. 353-366.

Кретов А.А., Катов М.В. Сквозь призму маркем: Н.В. Гоголь в ближайшем контексте русской литературы // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009а. № 2. с. 12-21.

Кретов А.А., Катов М.В., Фаустов А.А. Опыт лингвистической генеалогии (на примере Н.В. Гоголя) // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции [А.Д. Черенкова (науч. ред.); ред. кол.]. – Воронеж: ВГПУ. 2009б. С.76-83.

Кретов А.А. Архаисты и новаторы в русской литературе XVIII – начала XX вв. // Универсалии русской литературы: сб-к статей. – Воронеж: Воронежский государственный университет; Издательский дом Алейниковых. 2009в. С.29-48.

Кретов А.А., Катов М.В. Поэзия А.В. Кольцова в контексте русской литературы XVIII – начала XX вв. // А.В.Кольцов вчера, сегодня, завтра: Материалы Межвузовской научной конференции – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников. 2009г. С. 137-150.

Кретов А.А. Концепция словаря поэзии А.В. Кольцова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 28-29. – Воронеж: Воронежский ун-т. 2009д. с. 83-104.

Кретов А.А., Катов М.В., Фаустов А.А. Лингвостатистическая генеалогия в русской литературе XVIII – начала XX вв. // Проблемы компьютерной лингвистики: Сборник научных трудов [Под ред. А.А. Кретьова] Вып. 4. – Воронеж 2010а С.114-125.

Кретов А.А., Селезнёв Г.Д. Кластерный анализ массива маркем русских писателей // Проблемы компьютерной лингвистики: Сборник научных трудов [Под ред. А.А. Кретьова] Вып. 4. – Воронеж. 2010б. С.272-279.

Кретов А.А. Словарь поэзии А.В. Кольцова // Поэтика и эстетика слова: Сборник научных статей памяти В.П. Григорьева. – М.: ЛЕНАНД. 2010в. С. 365-371.

Фаустов А.А. Авторское поведение в русской литературе: середина XIX века и на подступах к ней. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та. 1997. 106 с.

Фаустов А.А. Язык переживания русской литературы: на пути к середине XIX века – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1998. 125 с.

Фаустов А.А. От ключевых слов к литературным универсалиям: несколько методологических соображений // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009а. № 2, с. 7-11.

Фаустов А.А. Литературные универсалии: на пути к терминологической демаркации // Универсалии русской литературы: сб-к статей. – Воронеж: Воронежский гос. университет; Издательский дом Алейниковых. 2009б. С.8-28.

© Кретов А.А. 2010